

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Т. Г. Ковалева

Воронежский государственный университет

В статье дается определение политическому дискурсу и сопоставляются выделенные группы прилагательных (со значением параметра, времени, места, цвета. Возраста и качеств человека) на материале русских и немецких публицистических текстов. Приводятся некоторые функции прилагательных. Отмечено, что прилагательные используются для создания прагматического эффекта.

Проблема дискурса в современной науке решается по-разному, причиной этому служит и относительная новизна данного термина для отечественного языкознания, и сложность самого феномена. «Дискурсом называют реальный, естественный текст, отдельные виды речи, способы и формы языкового отражения действительности, даже речевые жанры» [4, 21]. «Понятие «дискурс» включает в себя характеристики экстралингвистического плана» [6, 60].

Данный термин предусматривает узкое и широкое понимание. В узком понимании использует термин дискурс О. Б. Сиротинина. «Текст ... это сознательно организованная речь и ... реализация речевого замысла» [4, 21]. Широкое толкование термина дискурс встречается в работах П. В. Зернецкого, Н. Л. Мусхешвили, В. М. Сергеева, Ю. А. Шрейдера: дискурс — это система коммуникации. Ю. Н. Караулов, исследовавший феномен дискурса и описавший его уровневую структуру, полагает, что дискурс это «речевое произведение, рассматриваемое во всей полноте своего выражения (словесно-интонационного и паралингвистического) и устремления, с учетом всех внеязыковых факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия» [4, 21].

Е. И. Шейгал предлагает следующие дихотомии для разграничения дискурса и текста:

1. Категория дискурса относится к области лингвосоциального, тогда как текст — к области лингвистического;

2. Дискурс и текст противопоставлены как процесс и результат: «дискурс находит своей выражение в тексте, дискурс возникает и выявляется в тексте и через текст»;

3. Дискурс и текст противопоставлены в оппозиции актуальность — виртуальность;

4. Оппозиция «устный письменный» [9, 10—11].

Современный этап развития гуманитарных наук в России и Германии характеризуется высоким интересом к изучению политического дискурса.

Исходя из приведенного понимания феномена дискурса, можно перейти к определению политического дискурса. «Политический дискурс России предстает в современных исследованиях в качестве текста (семиозиса), речевой практики и языкового феномена» [1, 6]. Под политическим дискурсом принято понимать «тексты, отображающие политическую и идеологическую практику какого-то государства, отдельных партий и течений в определенной эпоху» [5, 40].

В текстах политического дискурса большую роль играет прагматика. В коммуникативном процессе усиливается акцент на прагматические умения адресанта успешно и эффективно использовать различия ресурсов языка в данном виде общения. При этом правомерно предположить, что и использование языковых средств в политическом дискурсе разных культур имеет национальную специфику.

В свете вышесказанного представляется интересным выявить прагматические особенности функционирования прилагательных в русском и немецком политическом дискурсе.

Материалом исследования послужили атрибутивные словосочетания, выписанные из предвыборных программ различных партий немецкой предвыборной кампании сентября 2005 года, а также из текстов обращений кандидатов в депутаты в течение 2000—2005 годов в Воронеже.

В рамках исследованного материала были выделены по степени частотности следующие тематические группы прилагательных:

1) группа «параметрические прилагательные»;

- 2) группа, объединенная значением «время»;
- 3) группа прилагательных с общим значением «место»;
- 4) группа цветowych прилагательных;
- 5) группа прилагательных, объединенных значением «возраст»;
- 6) прилагательные, обозначающие качества человека.

Наиболее полно в рамках исследуемого материала представлена группа параметрических прилагательных. Практически каждый предмет наше сознание фиксирует с помощью таких характеристик, как размер, форма и цвет. Поэтому неудивительно, что в рамках политического дискурса прослеживаются прилагательные с этим значением: лексемы размеров (названы по частотности) — *большой, средний, значительный, огромный, крупный, мизерный, мелкий, мощный, маленький, немалый, грандиозный*; в политическом дискурсе немецкого языка — *groß, erheblich, umfassend, hoch, ausreichend, gering, riesig, klein, mittel, niedrig, umfangreich, mangelnd* — составляют семантический класс параметрических прилагательных.

Следует заметить, что немецкое прилагательное *hoch*, как и русское *высокий*, является частотным по употреблению и используется с существительными *доходы, уровень, налоги* (в немецких текстах), *зарплата, пенсия, оценка, статус* (в русских текстах).

В этой группе особо выделяется прилагательное *groß* (большой). Наиболее частотное сочетание в политических текстах — *große Koalition* (большая коалиция). Данное сочетание может противопоставляться сочетанию *kleiner Mann* (маленький человек). Такая оппозиция усиливает воздействие на избирателя, имплицитно мысля о том, что политики всегда думают о маленьком человеке.

Значение прилагательного *большой* подразумевает такие линейные параметры, как длина и ширина. Сочетание с данным прилагательным описывает какой-либо конкретный объект с совершенно определенными параметрами. Антонимическая пара *большой — маленький* интересна тем, что у прилагательного *большой* нет семантического синонима, в отличие от *маленький — небольшой*.

Все, что окружает человека, приобретает определенную коннотацию, становится объектом оценки. Познавая мир, человек познает себя. «Вещественные» свойства предметов и явлений используются для описания человека и его мира, ср. глубокая идея, поверхностные знания. Особое значение

в политическом дискурсе придается эмоциональному воздействию, выражающемся в оценочных сочетаниях:

Wir haben große Demos gemacht (Stern 2005, № 42);

Die Partner müssen Lösungen für die große Probleme finden (Stern 2005, № 42).

Наиболее частотным является использование параметрических прилагательных в политическом дискурсе в контекстуальных значениях, с целью прагматического воздействия на человека. Параметрические прилагательные могут использоваться и для актуализации эмоциональных оценок, чаще всего с положительной коннотацией.

Анализ употребления параметрических прилагательных выявляет цели использования их в политическом дискурсе: 1) в собственно «размерном» значении; 2) для выражения эмоциональной оценки; 3) в переносных значениях, характерных для политического дискурса.

В политическом дискурсе лексема *большой* приобретает наряду с непосредственно первичным параметрическим метафорическое значение:

У Ф. М. Ковалева есть ... большое чувство ответственности перед своими избирателями (Обращение Н. Т. Савицкого, В. И. Бакланова и В. М. Ивановой 2005);

... обеспечить телефонизацию квартир, предоставить большие права на льготы (Обращение А. Сергеева 2005).

Количество может восприниматься и через восприятие и переживание человека — *внушительные размеры, ощутимые потери, серьезные недостатки*. «Количество» явления «измеряется» его воздействием на человека [7, 111]:

А качественное лечение для многих людей стало недоступно, так как требует больших денег (Обращение Г. Н. Морозовой, 2005);

... он имеет большой, практический опыт. (Обращение В. Н. Волкова 2005).

В случаях сочетания параметрических прилагательных с абстрактными существительными, обозначающими чувства, отношения, состояния, свойства, а также с существительными, имеющими оценочный характер, развивается значение «высокая степень»:

Сделать этот шаг его заставила совесть, большая озабоченность за судьбу района, города ... (Обращение В. Н. Волкова).

Такое использование параметрических прилагательных вносит дополнительные экспрессивные характеристики.

В текстах политического дискурса часто используются словосочетания со специфичными для данного дискурса значениями (*большая восьмерка*, *большая политика* и *große Koalition*):

Например, *Вашигтон намеревается провести заседание «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в 2006 году...* (АиФ 2005, № 25);

Андрей Михайлович, вы в «большой политике» — человек новый (Обращение А. М. Дубинина 2005).

Непосредственно к сфере политики относятся многочисленные словосочетания с прилагательным *groß* (около 30 употреблений). Отличительной особенностью словосочетаний с данным прилагательным в политическом дискурсе немецкого языка следует назвать стабильную сочетаемость с существительным *Koalition*:

Die große Koalition wird gewiss keine draufgängerische Reformregierung — aber sie verdient ihre Chance (Stern 2005, № 43).

Следующая по степени частотности является группа прилагательных со значением «время». Наличие временных значений в лексическом составе прилагательного — факт известный. Учеными [3; 8; 10] давно замечено, что имена прилагательные, как и глаголы, могут характеризовать предметы *по* времени и *во* времени. В эту группу в русском политическом дискурсе входят прилагательные: *прежний, советский, нынешний, сегодняшний, бывший, предвыборный, будущий*; в немецком — *früh, künftig, derzeitig, modern, dauerhaft, längerfristig, heutig, ehemalig, damalig, gegenwärtig, nachhaltig*.

Анализ показал, что прилагательное *nachhaltig* (длительный, продолжительный), возможно, является концептуальным, ключевым для всей немецкой политики. Понятие, выражаемое данным прилагательным, а также образованным от него существительным (*Nachhaltigkeit*) является широко употребительным в программах немецких партий, например: *nachhaltige Entwicklung* (PDS — Партия демократического социализма). Данное прилагательное заимствовано из сферы лесного хозяйства и имело раньше значение ‘осторожный и осмотрительный уход за лесом’. Принцип продолжительности, заявленный движением окружающей среды, в настоящее время является ключом для решения мировых проблем.

Употребление этого слова в немецком политическом дискурсе настолько широко, что трудно определить его конкретное содержание, выявляется только положительная коннотация. Это слово

используется в разных сферах (маркетинг, имидж, политика) и в конкретных политических проектах или программах сигнализирует, что концепция, заложенная в предвыборной программе, перспективна и рассчитана на длительный срок. Данное прилагательное быстро обрастает новыми значениями. Языковое употребление прилагательного *nachhaltig* актуализирует важные условия общества и его развитие. Политики, часто появляющиеся на публике и имеющие большой авторитет, влияют на развитие языка в средствах массовой информации, воздействуя таким образом на общество и формируя новые значения слов. Анализ предвыборных программ показывает, что прилагательное *nachhaltig* чаще употребляется в сочетании с лексемами, репрезентирующими «увеличение».

Широкое употребление данного прилагательного свидетельствует о том, что немецкие избиратели доверяют всем положительным моментам, описанным в программах, а *nachhaltige Entwicklung* — это выход из сложившихся ситуаций и план развития общества, ориентированный на будущее.

Близкое значение передает и сложное по своей структуре прилагательное *zukunftsfähig* — *eine zukunftsfähige Gesellschaft* или *Politik* (общество или политика, ориентированное на будущее).

Как известно, всякий процесс развивается от прошлого к будущему, вполне естественно, что прослеживаются оппозиции *вчерашний — сегодняшний, прошлый — настоящий — будущий*. Употребление в немецком политическом дискурсе специфических прилагательных, репрезентирующих ориентацию на будущее и отсутствие четко соотносимых с ними эквивалентов в русском политическом дискурсе обусловлено различиями общественно-политической обстановки в этих странах. Но лексические единицы, обладающие высоким прагматическим потенциалом в немецкой аудитории, не могут оказать столь же эффективно воздействия в русском.

Следующей по частотности является группа прилагательных, объединенная семантическим компонентом «место». Состав данной группы, можно представить в виде своеобразной иерархии: в русском языке — *мировой, вселенский, повсеместный, европейский, американский, русский, российский, федеральный, областной, городской, воронежский, нижегородский, московский*, региональный, *пригородный, сельский, местный, районный, дворовый, уличный*; в немецком — *international, amerikanisch, israelisch, französisch, europäisch, deutsch, national, föderal, ostdeutsch, westdeutsch*,

regional, niedersächsisch, sächsisch, hessisch, schwäbisch, nordrhein-westfälisch, bayerisch.

Одним из частотных оказалось прилагательное *deutsch*. Прилагательное **deutsch** может характеризовать самые различные предметы и объекты: солдаты (*deutsche Soldaten*), демократия (*deutsche Demokratie*), немецкое единство (*deutsche Einheit*), европейская политика (*deutsche Europolitik*), история (*deutsche Geschichte*), политика (*deutsche Politik*), репортажи (*deutsch-deutsche Reportagen*), парламент (*deutsches Parlament*), (*deutscher Politikbetrieb*).

Следует отметить, что двойное употребление лексемы *deutsch-deutsch* особенно характерно для политики и используется для обозначения всего, что раньше было связано с разделенной Германией (на восточную и западную). Наряду с этим прилагательным употребляются и лексемы **ostdeutsch**, **westdeutsch** и **deutschnational**.

Частое употребление прилагательного *ostdeutsch* обусловлено тем, что большее внимание уделяется именно восточной части Германии, так как именно там уровень жизни населения значительно ниже, чем в западной.

Auch wenn sich vieles in der ostdeutschen Teingesellschaft verbessert hat... — PDS. Wahlprogramm 2005.

Die ostdeutschen Länder sollten gemeinsam danach streben, zum bundesweiten Modell für eine moderne Verwaltung zu werden... — PDS. Wahlprogramm 2005.

Материал политического дискурса немецкого, как и русского языка, позволяет построить некую схему, отражающую функционирование прилагательных, учитывая такую особенность, как наличие федеральных земель, отражающих деление внутри страны: город — федеральная земля — страна — мир. Тексты политического дискурса русского языка показывают обратное: мир — Россия — город.

Интересной является группа цветowych прилагательных. Во всем мире политические партии ассоциируют себя с теми или иными цветами (по большей части для того, чтобы выделяться на выборах).

Многие партии в Германии также характеризуются определенным цветом, то есть, название партии в печатных текстах может быть заменено цветowym прилагательным. Эти прилагательные активно используются в газетных публикациях, в телевизионных передачах, новостях, особенно в период предвыборных кампаний.

Группа цветowych прилагательных наиболее разнообразна по составу в немецких текстах:

schwarz-gelb-grün, dunkel, rot, rot-rot, rot-rot-grün, umbrafarbe, rot-grün, rot-grün-gelb-schwarz.

В немецкой политике черный цвет характеризует христианско-консервативную партийную принадлежность к CDU (ХДС: Христианско-демократический союз).

...denkt... An den Mann, der echt CDU ist: schwarz, katholisch, unverfälscht (Stern 2005, № 42).

Красный — символический цвет социал-демократических, коммунистических и троцкистских партий и движений.

Dann finden sie an, die rote Hälfte des neuen Kabinetts zusammenzubasteln (Stern 2005, № 40).

Die „rote Heidi“ versteht es, den Eindruck zu erwecken, die SPD-Linke stünde hinter ihr (Stern 2005, № 43).

В предложении актуализируется политическая принадлежность Heidi Wiecek-Zeul — министра по экономическому сотрудничеству к партии SPD.

Встречаются цветowych прилагательные в составе фразеологических оборотов, устойчивых словосочетаний, как в русском, так и в немецком языках: *mit einem blauen Auge kommen* (дешево отделаться); *убрать из черного списка, черное дело, черные дыры, черная и белая зависть*. Практически все случаи данных словоупотреблений можно отнести к метафорическим. Сфера политики богата языковыми образами. Политические лидеры и кандидаты в депутаты, выступающие с обращениями к избирателям, ведут за собой, убеждают слушателей, придают им уверенность и надежду. Особенность политики и непосредственно политического языка заключается в постоянном изобретении все новых метафор. Возможно, это связано с тем, что политика слишком сложна и зависит от большого количества факторов, чтобы адекватно описывать какие-либо процессы и явления с помощью часто повторяющихся, „избитых“ метафор. Метафоры не просто описывают политическую жизнь, они помогают обрести уверенность в себе и в том, что существующие проблемы могут быть осмыслены и решены.

Зеленый цвет связан с природой и растительностью, это стало символическим цветом для партии, выступающей в защиту окружающей среды и экологии.

Der grüne Europaabgeordnete Cem Özdemir hat gerade das Land besucht (Stern 2005, № 40).

Интересно рассмотреть и функционирование лексемы *голубой* и *blau* в политическом дискурсе. Прилагательное в русском языке *голубой* не имеет прямого эквивалента в немецком языке, где соот-

ветствующие объекты подводятся под прилагательное *blau*.

Es hat unübersehbar auch Probleme mit meiner Partei gegeben, mehrere sehr schwierige Parteitage, wo ich nur mit einem blauen Auge über die Runden kam (Stern 2005, № 40).

В этом предложении прилагательное со значением цвета входит во фразеологизм *mit einem blauen Auge davonkommen* — дешево / легко отделаться (разг. избежать чего-либо, избавиться от кого-либо без особых последствий, неприятностей).

Последние 10 лет мандат наших «голубых касок» (2,5 тыс. солдат и офицеров) необходимо было продлевать каждые полгода (АиФ 2005, № 17).

В российском сознании это словосочетание, трансформированное в результате метонимия в идиому, четко ассоциируется с миротворческим военным контингентом ООН, а сам цвет с чем-либо нежным, спокойным, сентиментальным.

Известно, что «голубая» мечта М. Саакашвили — заменить российских миротворцев на миротворцев из стран НАТО или Украины. Голубой цвет «окрашивают» абстрактную сущность — ту, которая нам приятна: ‘голубая мечта’. В этом предложении лексема голубой выступает не в своем прямом значении ‘имеющий окраску одного из цветов спектра — среднего между зеленым и синим’, а в переносном значении — ‘идиллический’. Это словосочетание становится фразеологизмом.

Значимость составных «цветовых» моделей в политическом дискурсе может быть неоднозначна и неодинакова. Возможна ситуация, когда два цвета равноправны на лексическом уровне, но на экстралингвистическом, который для адресата, избирателя, наиболее важен, неравноправны. Учитывая экстралингвистический фактор, что цвет, названный первым, например, красно-зеленый, самый важный — это усиливает и тот, фактор, что красный входит и в германскую национальную символику: цвет государственного флага Германии — черно-красно-золотой.

Красно-зеленый (*rot-grün*) связывается обычно с названием коалиции партий СДПГ и зеленых: *die rot-grüne Bundesregierung, die rot-grüne Koalition*.

Если говорят о коалиции СДПГ и левой партии, говорят *rot-rot* (красный-красный): *rot-rot Landesregierung*.

«*Rot-grün-gelb-schwarze Einwanderungsgesetz*» — иммиграционный закон, поддержанный и сформулированный партиями, которым соответствуют данные цвета — СДПГ, Зелеными, СвДП и ХДС.

В российском политическом дискурсе зафиксировано также большое количество прилагательных со значением цвета, причем, заметим, что доминирующим цветом, входящим в состав словосочетаний, является *черный* (черный список, черное дело, «черные дыры», «черная метка»). Словосочетания с лексемой *черный* настраивают читателя соответствующим образом.

Количество употреблений цветовых определений партий и характер их оценки во многом зависит от веса партии в обществе и ее оценки общественностью. Оценка часто зависит от того, является ли данная партия (коалиция) правящей или оппозиционной.

На многих примерах политического дискурса немецкого языка видно, что цветообозначение антропоцентрично и этноцентрично.

Немногочисленной по составу является группа прилагательных, объединенных значением «возраст»: *пожилой, младший, старший, молодой; jung, alt*.

Политики в своих обращениях и выступлениях опираются на весь спектр возрастных категорий людей, включая и пенсионеров, и молодежь, которая, собственно, и является опорой. Поэтому наиболее частотными в политическом дискурсе оказались качественные прилагательные: *молодой* — в российском дискурсе, в немецком *jung*. Почти каждая политическая партия или движение обычно имеют свои молодежные организации, с возрастом их членов и связано прилагательное *молодой*:

Что касается сбора подписей в поддержку референдума, то эту работу может взвалить на свои молодые плечи движение молодежи «Наши» (АиФ 2005, № 25).

Контекст предложения как бы активизирует эту возрастную группы, реализуя значение ‘выносимые, могущие все преодолеть’, которое только усиливается глаголом *взвалить*.

В следующем предложении упор делается уже на *молодую* семью, так как именно уровень жизни *молодой* семьи, ее доход является одним из показателей благоустроенного государства, заботящегося о своих гражданах. Поэтому в предвыборных программах кандидатов в органы местного самоуправления депутаты особенно активно предлагают варианты и способы улучшения жизни молодых семей: *Я буду добиваться беспроцентных кредитов и субсидий молодым семьям на приобретение жилья* (Обращение А. П. Швырева 2005).

Отметим, что немецкое *alt* не всегда используется для характеристики возраста человека. Часто

это прилагательное выступает в оппозиции *alt-neu*, усиливая прагматическое воздействие. В русском политическом дискурсе ставшие шаблонными прилагательные *новый* и *большой* являются широко употребительными в социально ориентированном общении.

Прилагательное *neu* выступает усилителем в таких сочетаниях, как: *das neue Konzept, die neue Fraktionvorsitzende, die neue Jobs, neue Arbeitsplätze, neue Art, neue West-Ost-Kooperation, neue Modelle, neue Sensibilität, neue Linkspartei, der neue Kanzler, neue Gesetze, neue Politik.*

Особую группу составляют прилагательные, обозначающие качества человека: *ироничный, неумный, добренький, жесточайший, волевой, талантливый, алчный, продажный, бескорыстный, честный, романтический, мудрый, идеальный, мягкий, порядочный, сентиментальный, эмоциональный, подозрительный; verantwortlich, verlässlich, ernst, ernsthaft, glücklich, aktiv, peinlich, nett, passiv, ehrgeizig, träumerisch, stark.* Выявленные примеры показывают, что в немецких текстах преобладают только положительные характеристики человека. В русских текстах тот или иной кандидат часто «обливается грязью», поэтому встречаются и отрицательные черты личности. Поэтому можно говорить о разнице в восприятии образа политика, представленного в немецком и русском политическом дискурсе.

Зачастую личные качества рекламируемого кандидата описываются с помощью слов *хороший, нормальный, простой*, смысловое содержание которых невозможно подвергнуть верификации, оно абстрактно, расплывчато. Избиратель волен вкладывать в них любой смысл.

В политическом дискурсе, как и в коммерческой рекламе, используются оценочные прилагательные, как положительные, так и отрицательные: *schlecht, gut, grob, erfolgreich, wirksam, effektiv, richtig, falsch, wichtig.*

Для избирателя важно, чтобы слово, сказанное политиком, было ему понятно и близко, чтобы «разговор» шел на «одном языке». Прагматическая направленность может проявляться и в использовании слов с дополнительными значениями (эмоциональными коннотациями: положительными или отрицательными). Выбор слова диктуется самой реальностью, но может эту реальность и формировать. Поэтому следует сказать, что «...выбор слов и выражений является необычайно важным инструментом власти для структурирования той действительности, о которой идет речь» [2]. Лексемы,

используемые в политическом дискурсе, отражают отношение говорящего к предметам и явлениям действительности (например: насущные проблемы, существующие сегодня в стране, пути их решения, способы повышения уровня жизни) и этим передает его субъективную оценку, воздействуя на адресата.

Таким образом, в политическом дискурсе исследуемых языков можно выделить как общие черты — оценочность лексических единиц, стремление к эмоциональным и экспрессивным высказываниям, так и различия, заключающиеся отчасти в политическом устройстве страны (для Германии — наличие федеральных земель, для характеристики которых используются прилагательные; большое разнообразие цветочных прилагательных, способствующих разграничению политических, применительно к Германии, союзов; наличие лексем — концептов, связанных с временными значениями; отсутствие лексем, используемых для наименования настоящего времени, что обусловлено, прежде всего, системной организацией этого поля в немецком языке), для политического дискурса русского языка характерно использование лексем с отрицательной коннотацией для характеристики качеств человека с целью «разоблачения» того или иного кандидата на выборную должность, частое использование лексем для характеристики настоящего и прошедшего времени для выстраивания оппозиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базылев В.Н.* К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса / В. Н. Базылев // Политический дискурс в России-2: Матлы рабочего совещания. Под ред. Ю. А. Сорокина и В. Н. Базылева. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — С. 6—8.
2. *Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. — С. 88—122.
3. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — М.: ЯРК, 1997. — 576 с.
4. *Герасименко Н.А.* Информация и фaszинация в политическом дискурсе / Н. А. Герасименко // Политический дискурс в России-2: Матлы рабочего совещания. Под ред. Ю. А. Сорокина и В. Н. Базылева. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — С. 20—23.
5. *Миронова Н.Н.* Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. Уч. пособие по языкознанию (немецкий язык) — М.: НВИ-Тезаурус, 1997. — 158 с.
6. *Миронова Н.Н.* Оценочные характеристики дискурса / Н. Н. Миронова // Политический дискурс в

России-2: Мат-лы рабочего совещания. Под ред. Ю. А. Сорокина, В. Н. Базылева. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — С. 60—66.

7. *Рябцева Н.К.* Размер и количество в языковой картине мира / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 108—116.

8. *Харитонов И.Я.* Вопросы взаимодействия лексики и грамматики / И. Я. Харитонов. — Киев: «Вища школа», 1982. — 159 с.

9. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. — 326 с.

10. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. — М.: Гнозис, 1994. — 344 с.